

Жак Каматт

Странствия человечества

1973

Оглавление

I. Странствия человечества — Репрессивное сознание — Коммунизм	3
1. Деспотизм капитала	3
2. Рост производительных сил; Приручение человека	9
3. Репрессивное сознание	14
4. Коммунизм	18
II. Упадок капиталистического способа производства или упадок человечества?	27

I. Странствия человечества — Репрессивное сознание — Коммунизм

1. Деспотизм капитала

Когда капитал достигает реального господства над обществом, он становится материальной общностью, преодолевая стоимость и закон стоимости, которые выживают лишь как нечто «преодоленное». Капитал выполняет это двумя способами: 1) количество труда, включенное в продукт-капитал, значительно снижается (девальоризация); 2) отношения обмена всё больше исчезают, сначала из наёмного труда, потом из всех экономических транзакций. Капитал, который изначально зависел от наёмного труда, становится деспотом. Когда есть стоимость, она назначается капиталом.

Капитал — это капитал в процессе. Он начинает становиться таковым с восхождением фиктивного капитала, когда противостояние между валоризацией и девальоризацией всё ещё обладает значением, когда капитал ещё не преодолел закон стоимости.

Капитал в процессе — это капитал в постоянном движении; он капитализирует всё, ассимилирует всё и превращает всё в собственную субстанцию. Становясь автономным, он является «овеществлённой формой» в движении. Он становится неосязаемым. Он вдыхает новую энергию в своё бытие — это огромный обмен веществ, поглощающий старый обмен, сводящий его к обмену биологического типа — грабя человеческое существо и всякую его деятельность, какой бы фрагментарной она ни была (вот почему капитал вынуждает человеческие существа заниматься самой разнообразной деятельностью). В качестве эксплуатируемого выступает человечество. Более чем когда-либо, отвратительно звучит выражение «эксплуатация человека человеком».

В своём идеальном состоянии капитал является **представлением**. Он обязан своим подъёмом до этого состояния своей антропоморфизации, а именно капитализации всех человеческих существ¹ и преодолению старого, всеобщего эквивалента, золота. Капитал нуждается в идеальном представительстве, поскольку представительство без субстанции мешает его процессу. Золото, если оно не демонетизировано полностью, больше не может играть роль стандарта. Капитализированная человеческая деятельность становится стандартом капитала, до тех пор, пока даже эта зависимость от стоимости и её закона не начинает полностью исчезать. Это предполагает интеграцию человека в процесс капитала и интеграцию капитала в ум человека.

¹ Что не исключает противоположного движения: капитал провоцирует человека, становится более человеческим.

Капитал становится представлением, продвигаясь следующим историческим путём: меновая стоимость становится автономной, человек экспроприруется, человеческая деятельность сводится к труду, а труд сводится к абстрактному труду. Это происходит, когда капитал поднимается на основании закона стоимости. Капитал становится автономным, приручая человека. Анализируя-фрагментируя-препарируя человека, капитал воссоздаёт человека как функцию своего процесса. Отделение тела от сознания позволило преобразовать сознание в компьютер, который можно программировать законами капитала. Именно из-за своих ментальных способностей, люди не просто поработаются, но превращаются в добровольных рабов капитала. Самым большим парадоксом кажется то, что сам капитал вновь вводит в обращение субъективность, уничтоженную во время подъёма меновой стоимости. Вся человеческая деятельность поработается капиталом. Мы можем перефразировать утверждение Маркса, «Труд, добавляя новую стоимость к старой, в то же время поддерживает при жизни и увековечивает [капитал]»² и сказать: вся человеческая деятельность «увековечивает» капитал.

Капитал как представление преодолевает старое противоречие между монополией и конкуренцией. Каждый квант капитала стремится стать тотальностью; конкуренция функционирует между различными капиталами, каждый из которых стремится стать тотальностью. Производство и обращение объединяются; старое противоречие между потребительной и меновой стоимостью теряет свой смысл существования. Кроме того, потребление — это использование не только материальных продуктов, но, в основном, представлений всё больше структурирующих человека, как существо капитала, и оживляющих капитал, как общее представление. Цены больше не обладают функцией, которой они обладали в период формального господства капитала, когда они были представлением стоимости; они становились простыми показателями или знаками представлений капитала. Бесплатные товары не являются невозможностью. Капитал мог бы назначать специфическое количество своих продуктов каждому запрограммированному индивиду; это количество могло бы зависеть от деятельности, навязанной этому индивиду. Такой деспотизм был бы сильнее, чем нынешний. Люди хотели бы обладать деньгами, которые «дали» бы им свободный доступ ко всему разнообразию товаров.

В ходе своего развития, капитал всегда стремился к отрицанию классов. Это было, в конце концов, достигнуто через универсализацию наёмного труда и формирование — в качестве переходной стадии — универсального класса, простого собрания пролетаризированных мужчин и женщин, собрание рабов капитала. Капитал достиг полного господства, мистифицируя требования классического пролетариата, доминируя над пролетарием, как над производительным работником. Но, достигнув господства через посредство труда,

---

² Карл Маркс, «Основные черты критики политической экономики», стр. 365.

капитал принёс исчезновение классов, поскольку капиталист, как лицо, был уничтожен.³ Государство становится обществом, когда наёмный труд преобразуется в отношения принуждения, в государственно-капиталистические отношения. В то же время государство становится предприятием или рэкетиром, посредничающим между различными бандами капитала.

Буржуазное общество было уничтожено, и пришёл **деспотизм капитала**. Классовые конфликты были подменены борьбой между организациями гангстерского типа, которые являются варьирующимися способами бытия капитала. Как результат господства представления, все организации, которые хотят противостоять капиталу, поглощаются им; их пожирают паразитические микроорганизмы.

Это реальный конец демократии. Нельзя более считать, что существует класс, представляющий собой будущее человечество, и тем более не существует такой партии, группы; делегирование власти невозможно.

Реклама тупо отражает тот факт, что капитал является представлением, что он выживает, потому что является представлением в сознании каждого человека (заставляя его внутренне усваивать то, что было овнешнено). Реклама является дискурсом капитала:⁴ всё возможно, все нормы исчезли. Реклама организует подрыв настоящего ради явно отличного будущего.

*«Теперь мы столкнулись с той проблемой, что средний американец должен чувствовать себя моральным, когда он флиртует, когда он тратит деньги, даже когда он покупает вторую или третью машину. Одной из основных проблем этого процветания является санкционирование и оправдание этого, убеждение в том, что удовольствие, получаемое от этого морально, а не аморально. Это разрешение даётся потребителю для того, чтобы он свободно наслаждался жизнью, ему показывают, что у него есть право окружать себя товарами, обогащающими его существование, это должно стать одной из основных тем в рекламе и в любом другом проекте, направленном на увеличение продаж».*⁵

Разложение сознания, которое можно видеть в таких проявлениях, как движения за освобождение женщин, геев и против психиатрии (которые стали возможными только после работ Фрейда, Райха и феминистского движения начала века) не является частью спонтанного зарождения революционной сознательности, но лишь отражает конец буржуазного общества, основанного

³ Здесь мы видим совпадение с азиатским способом производства, при котором классы никогда не могли стать автономными; при капиталистическом способе производства, они были поглощены им.

⁴ См. книгу Д. Верра, *Le discours du capitalisme*, Ed. L'Herne. Интересный материал можно найти также в работах Бодрийяра: *Le systeme des objets* и *Pour une critique de l'economle politique du signe*, Ed. Gallimard.

⁵ Дихтер, цит. по Бодрийяру, *Le systime des objets*, стр.218-219.

на стоимости, на закреплённом стандарте, воздействующем на все уровни человеческой жизни. Разложение началось, когда общий эквивалент вступил в конфликт с обращением. Если прошлый общий эквивалент уступает, он утрачивается. Государству пришлось заставить все субъекты уважать нормальность, основанную на стандарте, устанавливающем общественные ценности. Закон стоимости заключал в несвободу людей, заставляя их соответствовать стереотипам, устоявшемуся образу жизни. Высшая точка развития моральности проявилась в Кантовом категорическом императиве. Поглощая общий эквивалент, становясь своим собственным представлением, капитал упразднил все запреты и жёсткие схемы. На этом уровне люди прикрепляются к его движению, которое может отталкиваться от нормального или аномального, морального или аморального человека.

Конечный, ограниченный человек, индивид буржуазного общества, исчезает. Люди страстно призывают к освобождению человека, существа, которое является заодно социальным и *Gemeinwesen* (бытием-вместе, прим.пер.). Но в настоящее время именно капитал видоизменяет человека, придаёт ему форму и материю; и общинное бытие реализуется в форме коллективного рабочего, а индивидуальность в форме потребителя капитала. Поскольку капитал является неопределённостью, он предоставляет человеку доступ к состоянию по ту сторону конечного, в бесконечном становлении овладения, которое никогда не реализуется, в каждый момент обновляя иллюзию всеобщего процветания.

Человек по образу капитала перестаёт рассматривать любое событие как ключевое, он видит его как момент в бесконечном процессе. Удовольствие дозволено, но не бывает возможным. Человек становится чувственным и пассивным вуайеристом, а капитал чувственным и сверхчувственным существом. Человеческая жизнь перестаёт быть процессом и становится линейной. Вдохновляясь процессом капитала, люди уже не могут быть «самими собой». Эта вдохновлённость опустошает его, создаёт вакуум, который он должен постоянно удовлетворять представлениями (капитала). В общем, капитал в процессе гарантирует себе господство, делая линейным любой процесс. Так он нарушает движение природы, что ведёт его к её уничтожению. Но если это уничтожение ставит в опасность его собственный процесс, капитал адаптируется к природе (через экологов, например).

Неживое становится автономным — и одерживает триумф. Смерть в жизни: Гегель интуитивно чувствовал её, Ницше описал её, Райнер Мария Рильке пел её, Фрейд практически сделал её официальной истиной (инстинкт смерти), дадаисты изобразили её в шутовском искусстве, а «фашисты» поклонялись ей: «Да здравствует смерть!». Американское феминистское движение индивидуализировало её :

«Мужчина любит смерть — она сексуально возбуждает его и, уже мёртвый

*внутри, он хочет смерти».*⁶

Автономия формы воздействует на все аспекты жизни, доминируемые капиталом. Знание обладает ценностью только если оно формализовано, опустошено от содержания. Абсолютное знание — это реализованная тавтология; это мёртвая форма используемая для всех знаний. Наука — это его систематизация; эпистемология — его избыток.

В эпоху своего реального господства, капитал ушёл, сбежал (как говорят кибернетики).⁷ Люди уже не контролируют его. (Люди в форме пролетариев могут, по крайней мере пассивно, представлять барьер для капитала). Он больше не ограничен природой. Некоторые производительные процессы, осуществлявшиеся в течение долгого времени привели к столкновениям с природными барьерами: численное увеличение человечества, разрушение природы, загрязнение окружающей среды. Но эти барьеры нельзя теоретически рассматривать как барьеры, которые капитал не может преодолеть. В настоящее время для

⁶ Валери Соланас, *The SCUM Manifesto (The Society for Cutting Up Men)*, New York: Olympia Press, 1970 г.

⁷ Мы проанализировали автономизацию капитала в «*Le VIe chapitre inedit du Capital et l'oeuvre economique de Marx*» (1966), особенно в примечаниях 1972-го.

В будущей статье мы проанализируем эту тему более тщательно, показав, что Маркс поднял проблему, но не понял всей её тотальности и анализируя современный капиталистический способ производства. Это также приводит нас к определению труда и его роли в развитии человечества. Ж. Брюле уже начал подобный анализ в своей статье во втором номере «*Invariance*», серия II : «*Le travail, le travail productif et les mythes de la classe ouvriere et de la classe moyenne*». (Труд, продуктивный труд и мифы о рабочем и среднем классах).

В целом, мы можем сказать, что концепция труда редуцирует: она включает только часть человеческой деятельности. Но призыв к его упразднению — это призыв к уничтожению этого напоминания о деятельности, что является утопическим требованием капитала. Проект коммунизма входит в контекст человеческой жизни, при том, что деятельность — это лишь вид самовыражения. Любовь, размышление, мечты, игра и другие проявления человека располагаются снаружи поля жизни, когда мы загоняем себя в ловушку труда. Маркс определял труд как деятельность, преобразующую природу или материю ради той или иной цели, но эта концепция природы уже стала неприемлемой. В период господства капитала, человек больше не находится в контакте с природой (особенно во время работы). Между природой и человеком встаёт капитал. Капитал становится природой.

С другой стороны, в своих так называемых «философских» работах Маркс ясно говорит о всей человеческой деятельности и утверждает, что коммунизм не может быть сведён к освобождению труда. Эта позиция не исчезает полностью из остальных работ Маркса и выживает наряду с «революционно-реформистской» концепцией, выраженной в *Капитале*. Для марксистов проблема впоследствии упрощается: они преклоняются перед трудом, чистым и простым. В работе Троцкого, например, нет уже и следа от сложного анализа Маркса, речь в ней скорее идёт на языке приручения, на языке капитала: «*Вся история человечества является историей организации и образования социального человека для труда, в целях достижения наибольшей возможной продуктивности*» (Терроризм и коммунизм (фр. изд.: Paris: Ed. 10/18, 1963, стр. 2181.)

капиталистического способа производства есть три возможных курса (в дополнение к уничтожению человечества — гипотеза, которую нельзя сбрасывать со счетов):

- полная автономия капитала: механистическая утопия, в которой люди становятся простыми дополнениями к автоматической системе, хотя всё ещё выполняют исполнительную роль;
- мутация человека, или видоизменение человеческого рода: производство абсолютно программируемого существа, утратившего все характеристики вида *Homo sapiens*. Для этого не потребуется автоматизированная система, поскольку подобный совершенный человек будет делать всё, что потребуется;
- всеобщее помешательство: вместо человека, на основе его современных ограничений, капитал реализует всё, чего он не пожелает (нормальное и ненормальное), но человек не может найти сам себя, и удовольствие постоянно лежит в будущем. Бегство капитала увлекает за собой человека, который поддерживает его функционирование.⁸

Конечный результат будет одним и тем же во всех случаях: эволюция человека замораживается, в одном случае раньше, чем в другом. Эти возможности — абстрактные ограничения; в реальности они разворачиваются одновременно и противоречивым образом. Для того, чтобы продолжать свой бесконечный курс, капитал вынужден обращаться к человеческой деятельности, восхвалять человеческое творчество. А для того, чтобы гарантировать себе вечную жизнь, капитал должен действовать быстро. Он натывается на препятствия во времени и пространстве, связанные с уменьшением природных ресурсов, (которые нельзя подменить синтетическими заменителями) и безумным увеличением человечества (которое вызывает исчезновение многочисленных форм жизни).

Становится ясно, что те, кто поднимает знамя труда или его упразднения, остаются на территории капитала, в рамках его эволюции. Даже движение к безграничному обобществлению желания изоморфно по отношению к бесконечному движению капитала.

Капиталистический способ производства не является упадочным и не может прийти в упадок. Буржуазное общество расщепляется, это верно, но это не ведёт к коммунизму. В лучшем случае мы можем сказать, что коммунизм утверждался в оппозиции к буржуазному обществу, но не в оппозиции к капиталу. Бегство капитала было неразличимым; фактически это бегство было реализовано только с подъёмом фашистских, нацистских движений, народных фронтов, Новой Сделки и т.д., т.е. движений, которые стали переходом от формального к реальному господству капитала. Считалось, что из обобществления человеческой деятельности, а, следовательно, из уничтожения

---

⁸ Эта возможность описывается и превозносится в «Шоке будущего» Элвина Тоффлера.

частной собственности появляется коммунизм, в то время как на деле, в виде материальной общности, появился капитал.

2. Рост производительных сил; Приручение человека

Капиталистический способ производства становится упадочным только с началом успешной революции против капитала. На данный момент, в течение века гниют люди, прирученные капиталом. Эта прирученность является источником неспособности пролетариата освободить человечество. Производительные силы продолжают расти, но это силы капитала.

*«Капиталистическое производство развивает технику и комбинацию социального производственного процесса, лишь используя одновременно два источника богатства: землю и труд».*⁹

Не имеет смысла заявлять, что производительные силы человечества перестали расти, что капиталистический способ производства начал загнивать. Подобные взгляды выказывают неспособность многих теоретиков распознать бегство капитала и через него понять коммунизм и коммунистическую революцию. Парадоксальным образом, Маркс анализировал разложение буржуазного общества и условия для развития капиталистического способа производства: общество при котором производительные силы развивались бы свободно. То, что он представлял как проект коммунизма, было реализовано капиталом.

Человек выработал диалектику развития производительных сил.¹⁰ Он считал, что освобождение человечества зависит от их полнейшего развития. Коммунистическая революция — а, следовательно, конец капиталистического способа производства — должна была произойти, когда этот способ производства уже не был бы «достаточно большим» для того, чтобы содержать в себе производительные силы. Но Маркс попал в ловушку двусмысленности. Он считает, что человек является препятствием для капитала и что капитал уничтожает человека как препятствие для своего развития, как производительной силы. Маркс также предполагает, что капитал может преодолеть человеческое препятствие. Это ведёт его к постулированию самоотрицания капитала. Это

⁹ Маркс, Капитал, т. I [Le Capital, I. 1, t. 2, p. 182.]

¹⁰ Это требует детального изучения, которое должно включать анализ труда. В следующей статье мы начинаем это изучение: она представляет первые выводы, которых мы достигли. В частности, мы хотим проанализировать данную стадию упадка человечества, её выражение, и т.д. В дополнение к этому, мы хотим показать тесную связь между движением стоимости и диалектикой производительных сил. Конец движения стоимости и капитала является концом способа представления и уничтожает его автономию. Марксова диалектика будет полностью преодолена.

самоотрицание принимает форму кризисов, которые он воспринимает либо как моменты реструктуризации капитала (обновление через уничтожение продуктов задерживающих процесс: ещё одна причина, по которой капитализм должен исчезнуть), или как сам момент уничтожения капитала.

Иными словами, обеспечивая элементы, необходимые для понимания реального господства капитала над обществом, Маркс не развил эту концепцию; он не осознал бегство капитала. Для Маркса, золото оставалось препятствием для капитала, противоречие между валоризацией и девалоризацией оставалось в силе, а грабёж и отчуждение пролетариев оставались препятствием для эволюции капитала.

«В развитии производительных сил наступает стадия, когда появляются производительные силы и средства взаимодействия, которые, при существующих взаимоотношениях, приносят лишь вред, становясь уже не производительными, а разрушительными силами (машины и деньги). . .».

(Перед тем как продолжить цитату, мы должны упомянуть опоздание тех, кто предвещает, что капитал только теперь развивает разрушительные силы. Оказывается, что для Маркса, в 1847-м, капитал являлся разрушением; он так и сохранил этот взгляд).

«. . . и в связи с этим на сцену вступает класс, который должен нести все тяготы этого общества, не получая доступа к его преимуществам, который, будучи отверженным в обществе, вынужден вступить в самое решительное противостояние со всеми другими классами; класс, формирующий большинство всех элементов общества, из которого исходит сознание необходимости фундаментальной революции, коммунистическое сознание, которое, конечно, может проявиться также и в других классах через наблюдение за ситуацией этого класса».¹¹

Пролетариат был великой надеждой Маркса и революционеров его эпохи. Это класс, чья борьба за освобождение освободит всё человечество. Работа Маркса стала заодно анализом капиталистического способа производства и роли пролетариата в нём. Вот почему теория стоимости и теория пролетариата взаимосвязаны, хотя и не напрямую:

«Вышеупомянутое применение теории Рикардо о том, что весь социальный продукт принадлежит рабочим, как их продукт, потому что они являются единственными реальными производителями, напрямую ведёт к коммунизму. Но, как Маркс указывает в процитированном абзаце, формально это неверно с экономической точки зрения, потому что это просто примене-

¹¹ Энгельс, Маркс, Немецкая идеология, [Москва, 1964 г., стр. 85]

ние морали к экономике. Согласно законам буржуазной экономики, самая большая часть продукта не принадлежит рабочим, которые его произвели. Если мы теперь скажем: это несправедливо, это не должно быть так — это не будет иметь ничего общего с экономикой. Мы просто говорим, что этот экономический факт противоречит нашему моральному чувству. Маркс, следовательно, основывал свои коммунистические требования не на этом, а на неизбежном падении капиталистического способа производства, ежедневно происходящего на наших глазах на возрастающем уровне. . .»¹²

Маркс не развивал философию эксплуатации, как об этом часто упоминал Бордига. Как будет уничтожен капиталистический способ производства, и в чём будет состоять его «уничтожение»? (Энгельс, в 1884-м, предоставил аргументы для тех, кто сегодня говорит об упадке капитализма). Это не уточняется. После Маркса пролетариат остался в качестве класса, необходимого для окончательного уничтожения, полного упразднения капитализма, и считалось само собой разумеющимся, что пролетариат будет вынужден сделать это.

Бернштейн осознал этот аспект Марксовой теории и применил его для того, чтобы продемонстрировать, что противоречий, толкавших к распаду, не существовало.¹³ Но это привело Бернштейна к апологии старого буржуазного общества, которое капитал собирался уничтожить, особенно после 1913-го; его последующая работа нисколько не проясняет нынешнюю ситуацию.

Маркс оставил нам материал, при помощи которого можно преодолеть теорию стоимости, а также материал, необходимый для преодоления теории пролетариата. Обе теории взаимосвязаны и подтверждают друг друга. В «Экономических рукописях» (Grundrisse), Маркс восхваляет капиталистический способ производства, который он считает революционным. Чего не утверждается открыто, так это того, что пролетариат обладает этим атрибутом лишь в той мере, в которой он выполняет внутренние законы капитализма. Пролетариат присутствует в анализе. Маркс постулирует, что нищета пролетариата обязательно подтолкнёт его к бунту, к уничтожению капиталистического способа производства и т.о. к освобождению всего, что есть прогрессивного в этом способе производства, а именно тенденции к расширению производительных сил.

В Капитале пролетариат рассматривается уже не как класс, представляющий собой распад общества, как отрицание в действии. Класс, находящийся под вопросом здесь — это рабочий класс, класс более или менее интегрированный в общество, вовлечённый в революционный реформизм: в борьбу за повышение зарплаты, в борьбу против тяжёлого женского и детского труда, в борьбу за сокращение рабочего дня.

¹² Энгельс, «Предисловие» к Нищете философии Маркса, Нью-Йорк: 1963 г., стр. 11.

¹³ См. в частности «Движение дохода в современном обществе» и «Кризисы и возможности адаптации» в Предпосылках социализма и задачах социал-демократии, Rowohlt Verlag, pp. 75ff.

В конце первого тома, Маркс объясняет динамику, ведущую к экспроприации экспроприаторов, к увеличению нищеты,¹⁴ которая заставит пролетариат восстать против капитала.¹⁵

В третьем томе, а также в Критике Готской программы, Маркс не описывает реальный разрыв между капитализмом и коммунизмом. Производительные силы продолжают расти. Разрыв заключается в том факте, что производство инвертируется (после революции; т.е., разрыв является временным). Целью перестаёт быть богатство, ей становится человек. Однако если между капитализмом и коммунизмом нет разрыва, люди должны измениться по собственной воле; как ещё можно инвертировать цель? Здесь революционный реформизм Маркса достигает своей вершины. Диктатура пролетариата, переходный период (в «Экономических рукописях» в качестве переходного периода фигурирует капиталистический способ производства: очевидно, что это крайне важно для того, как мы определяем коммунизм сегодня) — это период реформ, самыми важными из которых являются сокращение рабочего дня и использование трудовых ваучеров. Здесь мы должны отметить связь между реформизмом и диктатурой, хотя мы и не можем настаивать на этом.

Кажется, что пролетариат нужен для того, чтобы руководить развитием производительных сил от полюса стоимости к полюсу человечества. Может случиться так, что пролетариат будет интегрирован капиталом, но — и этим злоупотребляют всевозможные марксисты — кризисы уничтожают резервы пролетариев и восстанавливают его в революционной роли. Тогда восстание против капитала вновь становится возможным.

Таким образом, работа Маркса представляется подлинным самосознанием капиталистического способа производства. Буржуазия, и капиталисты, последовавшие за ней, смогли выразить только фальшивое сознание с помощью различных своих теорий. Более того, капиталистический способ производства реализовал пролетарский проект Маркса. Оставаясь на чисто марксистской территории, пролетариат и его теоретики были обойдены последователями капитала. Капитал, достигнув реального господства, ратифицирует ценность работы Маркса в её урезанной форме (как исторический материализм). В то время как немецкие пролетарии в начале этого века считали, что их действия уничтожают капиталистический способ производства, они не видели, что лишь пытаются управлять им сами. Фальшивое сознание завладело пролетариатом.

Исторический материализм — это прославление странствий, на которые человечество было обречено в течение более чем века: рост производительных сил, как *sine qua non* условие освобождения. Но, по определению, весь количественный рост происходит в сфере неопределённости, фальшивой бесконечно-

---

¹⁴ Здесь мы должны быть осторожны, как справедливо заметил Бордига, не сводить это к экономической концепции.

¹⁵ Marx, Capital, Vol. 1, New York : Random House, pp. 831-837.

сти. Кто измерит «размер» производительных сил для того, чтобы определить наступил великий день или нет? Для Маркса существовало двойственное и противоречивое движение: рост производительных сил и обнищание пролетариев; это должно было привести к революционному столкновению. Иными словами, существовало противоречие между обобществлением производства и частной собственностью.

Тот момент, когда производительные силы должны были достичь уровня, требуемого для преобразования способа производства, должен был стать моментом кризиса капитализма. Этот кризис должен был обнажить ограниченность этого способа производства и его неспособность включать в себя новые производительные силы, т.о. обнажая также противостояние между производительными силами и капиталистическими формами производства. Но капитал обратился в бегство; он поглотил кризисы и успешно предоставил социальные резервы для пролетариев. Многим не осталось ничего иного, кроме как бежать вперёд: некоторые говорят, что производительные силы были недостаточно развиты, другие говорят, что они перестали расти. И те, и другие сводят проблему либо к организации авангарда, партии, или к деятельности, предназначенной для воспитания сознательности.

Развитие в контексте странствий — это развитие в контексте мистификации. Маркс считал мистификацию результатом обратного отношения: капитал, продукт деятельности рабочего, представляется создателем. Мистификация кроется в реальных событиях; мистифицирует реальность в процессе становления. Мистифицируется даже борьба пролетариата против капитала; всеобщая мистификация — это триумф капитала. Но, если вследствие своей антропоморфизации, эта реальность, производимая мистификацией, становится единственной реальностью, тогда вопрос следует задавать по-другому. 1) Поскольку мистификация является стабильной и реальной, нет смысла ожидать разоблачения мистификации, которая только обнажит истину предыдущей ситуации. 2) Из-за бегства капитала, мистификация представляется как реальность, и т.о. мистификация поглощается и становится неэффективной. Приходит депотизм капитала.

Утверждение, что мистификация всё ещё действует, означает, что люди способны вступать в реальные отношения и постоянно мистифицируются. Фактически, мистификация действовала когда-то и затем стала реальностью. Она относится к исторической стадии, завершённой в прошлом. Это не упраздняет значимость её понимания и изучения для того, чтобы понять движение, ведущее к нынешней стадии капиталистического способа производства и осознать, кто был реальными действующими лицами на протяжении столетий.

Как мистифицирующая-мистифицированная реальность, так и предыдущая мистифицированная реальность должны быть уничтожены. Мистификация является «видимой» только если порываешь с представлениями капитала (без иллюзий об ограничениях этого разрыва). Работа Маркса очень важна для

этого разрыва. Но она содержит большой недостаток: она не объясняет всё величие мистификации потому что не осознаёт бегство капитала.

Ранее, революция была возможной, как только обнажалась мистификация; революционный процесс был её уничтожением. Сегодня, человек поглощён, не только в предопределённости класса, в ловушке которого он находился веками, но как биологическое существо. Уничтожена должна быть тотальность. Разоблачения мистификации уже недостаточно. Бунт человека поставленного под угрозу в своей непосредственной повседневной жизни выходит за рамки разоблачения мистификации. Проблема в том, чтобы создать иную жизнь. Эта проблема лежит одновременно по ту сторону старого дискурса о рабочем движении и его старой практики, так и вне критики, рассматривающей это движение как идеологию (а человека как идеологический осадок).

3. Репрессивное сознание

Мистификация воздействует не только на капиталистическое общество, но и на теорию капитализма. Марксистская теория, поднятая до ранга пролетарского сознания, является новой формой сознания: репрессивного сознания. Мы опишем некоторые из его характеристик, оставляя в стороне проблему определения того, все ли формы сознания в истории были репрессивными.

Объектом репрессивного сознания является цель, которую, оно, по его собственному мнению, контролирует. Поскольку между этой целью и непосредственной реальностью существует разрыв, это сознание становится теологическим и рафинирует различия между минимальной или непосредственной программой и максимальной, будущей, или переходной программой. Но чем длиннее путь к её реализации, тем больше сознание становится самоцелью и рафинируется в организации, которая воплощает эту цель.

Проект этого сознания подразумевает подгонку реальности под свою концепцию. Это источник всех софизмов о различиях между субъективными и объективными элементами. Оно существует, но не может быть. И как раз из-за своей неспособности быть, оно должно отрицать и презирать всё, что пытается проявиться, быть.

Иными словами, оно существует, но нуждается в определённых событиях для того, чтобы быть реальным. Поскольку оно является продуктом прошлого, любое текущее событие отрицает его. Так оно может существовать только в качестве полемики с реальностью. Оно отрицает всё. Оно может выжить только замораживаясь, становясь всё более тоталитарным. Для того, чтобы действовать, оно должно быть организованным: отсюда мистика партии, советов и прочих коагуляций деспотического сознания.

Любое прямое действие, не признающее это сознание (а любой политический рэкет притворяется воплощением истинного сознания), осуждается им. За осуждением следует оправдание: нетерпение тех, кто бунтует, недостаток

зрелости, провокации господствующего класса. Картину дополняют литании мелкобуржуазного характера вечных анархистов и утопизм интеллектуалов и молодёжи. Борьба не является реальной если не оживляет классовое сознание; некоторые даже желают войны для того, чтобы это сознание наконец появилось.

Теория превратилась в репрессивное сознание. Пролетариат стал мифом, не в смысле своего существования, а в смысле своей революционной роли класса, который должен освободить человечество и таким образом разрешить все социально-экономические противоречия. В реальности он существует во всех странах, характеризующихся формальным господством капитала, где этот пролетариат всё ещё является большинством населения; в странах, характеризующихся реальным господством капитала, можно найти огромное количество мужчин и женщин, живущих в условиях пролетариев 19-го века. Но деятельность любой партии или группы организуется вокруг мифа. Миф является их источником. Всё начинается с появлением этого класса, который определяется как единственный революционный класс в истории, или, по крайней мере, самый революционный. Всё что случилось до этого рассматривается как функция для возникновения этого класса, а все предыдущие события вторичны по отношению ко всему, что пережил или создал пролетариат. Он определяет даже поведение. Любой пролетарий спасён; любой не-пролетарий должен искупить своё непролетарское происхождение различными видами деятельности, вплоть до отбывания сроков на фабриках. Группа достигает революционного существования только в тот момент, когда она может предъявить одного или нескольких «подлинных» пролетариев. Наличие человека с мозолистыми руками является гарантией, сертификатом революционной подлинности. Содержание программы, отстаиваемой группой, её теория, даже её действия, перестают быть важными; обладает значением лишь присутствие или отсутствие «пролетария». Миф поддерживает и оживляет антагонизм между интеллектом и физическим трудом. Многие коммунисты рабочих советов превратили анти-интеллектуализм в культ, служащий им в качестве замены теории и оправдания. Они могут плести любой идиотизм; они будут спасены; они пролетарии.

Точно так же, как многие думают, что тот, кто выходит из партии перестаёт быть революционером, считается невозможным быть революционером, не занимая пролетарскую позицию, не обладая пролетарскими добродетелями. Контрреволюция заканчивается на мифических границах, отделяющих пролетариат от остального социального тела. Любое действие во имя пролетарского движения оправдано. Человек действует не из потребности действовать, не из ненависти к капиталу, но потому что пролетариат должен восстановить свою классовую базу. Действие и мысль разоблачаются посредниками.

Вот как, особенно после 1945-го, пролетариат, как революционный класс, изжил себя: через свой миф.

Историческое изучение пролетарских революционных движений пролило бы свет на ограниченный характер этого класса. Сам Маркс ясно показал его реформистский характер. В общем и целом, начиная с 1848-го, когда он требовал права на труд, до 1917-1923 гг., когда он требовал полной занятости и самоуправления для рабочих профсоюзов, пролетариат бунтовал исключительно внутри капиталистической системы. Это кажется противоречием с Марксовыми «Критическими заметками к статье ‘Король Пруссии и социальная реформа’ пруссака». Но в этот момент пролетариат реально выказывал себя как класс без резервов, как тотальное отрицание. Он был вынужден создать полный разрыв, который позволяет представить какой может быть коммунистическая революция, а следовательно коммунизм.¹⁶ Маркс был прав; но капиталистический способ производства, для того, чтобы выжить, был вынужден уничтожить подрывавшее его отрицание. Пролетариат, который находится вне общества, как Маркс и Энгельс говорят в Немецкой идеологии, всё больше интегрируется в общество; он интегрируется в той степени, в которой он борется за выживание, за укрепление; чем более он самоорганизуется, тем более он становится реформистским. Он успешно, вместе с Немецкой Социалистической Партией, формирует контр-общество, которое в конечном итоге поглощается обществом капитала, и тогда заканчивается отрицающее движение пролетариата.¹⁷

Разве Каутский, Бернштейн и Ленин не распознали просто реальность рабочего движения, когда они заявили, что его необходимо было объединить с социалистическим движением: «Рабочее движение и социализм ни в коей мере не идентичны по своей природе» (Каутский)?

Разве дискредитированное заявление Ленина о том, что пролетариат, сам по себе, способен обрести лишь профсоюзное сознание, не описывает истину о классе, привязанном к капиталу? Его можно критиковать только с точки зрения различия, проводимого Марксом в Ниццете философии, между классом, как объектом капитала и классом как субъектом. Без революционного подъёма пролетариат не может стать субъектом. Процесс, через который он должен был стать субъектом, подразумевал вмешательство постороннего, внешнего сознания, которое в данный момент воплотилось бы в пролетариате. Это сознание, исходящее извне — это самая овеществлённая, самая отчуждённая форма репрессивного сознания! Следовательно, смысл не в возобновлении дебатов и возвращении к Марксу, но в признании того, что цикл пролетарского класса теперь окончен, в первую очередь потому что его цели были реализованы, во вторую потому что он уже не играет решающую роль в глобальном контексте.

¹⁶ В американском издании Фреда Перлмана два предыдущих предложения приведены в качестве части цитаты Маркса. На самом деле — это ошибка, и предложения были написаны Каматтом.

¹⁷ Что доказывает невозможность придерживаться «классистского» дискурса и поведения в то же время поддерживая основной «а-классистский» тезис о необходимости самоотрицания пролетариата.

Мы достигли конца исторического цикла в течение которого человечество (особенно та его часть, что проживает на Западе) двигалось в рамках классовых обществ. Капитал реализовал отрицание классов — посредством мистификации, поскольку он всё ещё сохраняет конфликты и столкновения, характерные для существования классов. Реальность — это деспотизм капитала. Мы должны противостоять капиталу, а не прошлому.

Почти все социал-демократы осознавали разрыв между реальным, реформистским движением рабочего класса и социалистической целью. Бернштейн заявлял, что было необходимо адаптироваться раз и навсегда, ясно и прямо, не лицемерно (как большинство социалистов) путём революционных заявлений, чтобы утаить компромиссы.¹⁸ В то же время, стало всё более проблематичным определять и классифицировать пролетариат. Эта проблема стала настолько острой, что в начале века почти все революционеры пытались определить пролетариат через сознание: Люксембург, Паннекук напрямую, Ленин, Троцкий косвенно через партию и т.д. Российская революция лишь увеличила срочность определения пролетарского класса; таков контекст попыток Корша и особенно Лукача в «Истории и классовом сознании». Позже Бордига считал, что класс следует определять в терминах способа производства, который он выстраивает. Так, он может быть классом для себя только с того момента, когда его действия двинутся к этой цели, только в той степени, в какой он осознаёт свою программу (описывающую этот способ производства). Для Бордиги он существует, если существует партия, потому что программу может осуществить только партия. *«Нам всё ещё нужен объект, партия, для того, чтобы представить себе коммунистическое общество».*¹⁹ Но в той мере, в какой мужчины и женщины способны двигаться к коммунизму сами по себе, как это наблюдается среди современной молодёжи, становится очевидно, что этот объект, партия, не нужен.

В общем, для адвокатов партии, так же как и советов, проблема действия во многом сводится к поиску прямых или косвенных средств сделать пролетариат восприимчивым к собственному сознанию — поскольку согласно этому взгляду пролетариат является собой только через самосознание.

---

¹⁸ На эту тему, см. книгу Г. Мюллера, опубликованную в 1892-м, *Der Klassenkampf in der Deutschen Sozialdemokratie*, Verlags-kooperative Heidelberg-Frankfurt-Hanover-Berlin, 1969. Эта книга ясно показывает двойственность-двуличность таких людей как Бебель, выказывавших себя «правыми» в парламенте и «левыми» на рабочих митингах, которые говорили одной аудитории, что пройдёт очень много времени прежде чем принципы социализма смогут быть реализованы, в то же время говоря другой, что социализм находится за углом. Эта книга интересна также тем, что содержит позиции, которые позже заняла KAPD (Немецкая Коммунистическая Рабочая Партия).

¹⁹ Бордига на собрании в Милане, 1960.

4. Коммунизм

Революционный реформизм — проект создания социализма на основе капитализма и в продолжение капиталистического способа производства — пришёл в упадок между 1913-м и 1945-м. Этот период стал концом иллюзии: иллюзии о том, что можно управлять развитием производительных сил в направлении отличном от того, в котором они развиваются в реальности. Мы можем согласиться с взглядом Маркса, что после 1848-го коммунизм был возможен именно потому, что прорыв капиталистического способа производства разрушил все социальные и естественные барьеры, благодаря чему стало возможным свободное развитие. Но менталитет, представления людей были таковыми, что они не могли ни представить себе, ни воспринять подобное будущее. Они слишком зависели от тысячелетнего движения стоимости, или были слишком ослаблены ограничениями извратившихся останков своих старых общин, для того, чтобы выйти на новый путь к иной общности. Даже Маркс и Энгельс в конечном итоге рассматривали капитализм как необходимый момент и считали, что все люди на земле неминуемо пройдут через него. Только бунты русских народников и их желание избежать капиталистического пути, заставили Маркса осознать свою ошибку. Но этого осознания было недостаточно. С середины 19-го века, при помощи оправдания, предоставленного марксистской теорией (теорией пролетариата), всё человечество начало свои странствия: оно начало развивать производительные силы.

Если мы больше не можем принимать теоретический анализ Маркса о роли производительных сил, мы, тем не менее, можем согласиться с ним обходным путём. Капитал поработщает человечество во имя самого человечества, потому что он антропоморфизируется. Это не что иное, как царство смерти. Над людьми довлеет их прошлое бытие, в то время как они созерцают его. Это процесс, который постоянно возобновляется с самого начала. Капитал проникает в мысль, сознание и уничтожает человека, воспроизведившегося в течение веков классовых обществ. Утрата человеком субстанции — это утрата своего прошлого бытия, выкачанного из него капиталом. Поскольку этот процесс уже почти завершён, капитал переходит теперь от атаки на прошлое измерение человечества к атаке на его будущее измерение: теперь он должен завладеть воображением. Человек лишён всего и сводится к чисто биологическому измерению. Феномен возвращается к своим корням. Иными словами, развитие производительных сил кажется необходимым для разрушения старых схем, образов мысли, архаичных представлений, ограничивавших человека (это разрушение анализируется сейчас философами вроде Фуко). Человек, чьё биологическое существование находится под угрозой, начинает восставать против капитала. Именно на этой точке всё может быть вновь экспроприровано обобщённым созиданием. Но это становление не является простым, однолинейным. Капитал всё ещё может извлекать выгоду из созидательности

человека, возрождаясь и получая новую субстанцию через грабёж человеческого воображения. Значение и глубину борьбы можно понять перед лицом альтернативы: коммунизм или уничтожение человеческого вида. И нельзя забывать, что если во время странствий различные революционные движения искали выхода и различные возможности были блокированы; теперь они могут проявиться.²⁰

Нам надо прекратить наши странствия и уничтожить репрессивное сознание, препятствующее появлению коммунизма. Для этого нам нужно перестать воспринимать коммунизм, как продолжение капиталистического способа производства и перестать считать, что достаточно подавить меновую стоимость и дать одержать триумф потребительной стоимости. Эта дихотомия больше ничего не значит. Потребительная стоимость привязана к стоимости, даже если она обращается вокруг принципа полезности вместо продуктивности; будучи основанной на прямом господстве над человеком, она неотделима от частной собственности.

Коммунизм — это не новый способ производства²¹; это утверждение но-

---

²⁰ Абсолютная необратимость не является историческим фактом. Возможности, проявлявшиеся тысячи или сотни лет назад, не были упразднены навеки. История не является Молохом, поглощающим возможности, обрекая человеческое будущее на неизбежное и безнадежное разграбление. В таком случае история была бы просто оправданием для всего того, что случилось. Многие хотели бы свести историю к этому, превратив её в наихудшего из деспотов.

Философия Гегеля с её диалектикой преодоления (*Aufhebung*), упраздняющего и сохраняющего в одно и то же время движения, было попыткой спасти всё, что человек произвёл в предыдущие эпохи. Гегеля тревожила проблема утраты реальности, множества проявлений и возможностей и т.д. Так он придавал огромное значение памяти (см. в частности главу «Абсолютное знание» в Феноменологии духа).

По контрасту, движение капитала упраздняет память о его предыдущих стадиях (путём мистификации и магии), как и о стадиях человечества, и представляет себя, в текущем состоянии, высшей стадией развития — «овеществлённой» (или застывшей) формой» (См. Маркс, Теория прибавочной стоимости, [Москва: 1971 г.], т. III, глава «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия»).

²¹ Концепция способа производства в реальности обладает ценностью только в случае с капиталистическим способом производства, точно так же как концепция класса в реальности действует только в буржуазном обществе. Концепция производства довольно богата своими атрибутами в работе Маркса. Она обедняется по мере перехода от Рукописей 1844 и Немецкой идеологии к Капиталу. Она тесно связана с концепцией природы, а также с определённой концепцией человека. Иными словами, перед нами гораздо более сложная «данность», когда мы исследуем её только в связи с существованием первобытных коммунистических общин и их распадом. Отделение человека от общности (*Gemeinwesen*) является его грабежом. Человек, в качестве рабочего утратил атрибуты, сформировавшиеся как целое, когда он был связан с общиной.

Процесс экспроприации человека реален. Те, кто не понимает этого, не понимают, что такое капитализм. Человек сводится к существу без выражения; он утратил свои чувства, а его деятельность была сведена к количественному труду. Человек, превратившийся в абстрактное

вой общности. Это вопрос бытия, жизни, хотя бы, потому что происходит фундаментальное смещение: от генерируемой энергии к живому существу, производящему её. До сих пор мужчины и женщины отчуждались этим производством. Они не добьются господства над производством, но создадут новые отношения между собой, которые предопределят совершенно иную деятельность.

Не является коммунизм и новым обществом.²² Общество появляется из покорения одних этнических групп другими или из формирования классов. Общество — это сеть социальных отношений, которые быстро становятся депотическими посредниками. Человек в обществе — это человек поработанный обществом.

Коммунизм кладёт конец кастам, классам и разделению труда (к которому было привито движение стоимости, в свою очередь оживляющее и стимулирующее это разделение). Коммунизм — это в первую очередь союз. Это не господство над природой, а согласие с ней, а отсюда её возрождение: человек

существо, тоскует по музыке, которая всё ещё сохраняет чувственность предков (отсюда мода на джаз и южноамериканскую музыку). Урезанное человеческое существо обладает теперь лишь одним элементом, связующим его с внешним миром: сексуальностью, заполняющей пустоту чувств. Именно это объясняет пансексуальность, или точнее пансексуализацию бытия, которую Фрейд истолковывал как инвариантную характеристику человека, в то время как она является результатом его искалеченности. Что такое подсознательное, если не аффективно-чувственная жизнь человека, подавляемая капиталом? Человека следует приручить, подогнать под рациональность, которую он должен внутренне усвоить — рациональность процесса производства капитала. Как только это приручение достигается, человека лишают этой репрессированной чувственной жизни, которая становится объектом изучения, науки; она становится капитализируемой. Бессознательное, становясь предметом торговли, нарезается ломтями и продаётся в розницу на рынке знания. Бессознательное существовало не всегда, и оно существует теперь только в качестве компонента дискурса капитала; то же самое касается человеческих извращений.

Будучи сведённым к абсолютной невыразительности, человек становится всё более и более похожим на элементарную частицу, изучаемую ядерной физикой, в которой можно найти принципы психологии капитализированного человека, движущегося в поле капитала.

²² Говорить о примитивном обществе также является нездоровым признаком. Мы обоснуем это в новом анализе примитивных коммун. Если верно, что работа Маркса неадекватно раскрывает вопрос существования, развития и распада первобытных коммун, неверно, что Маркс был абсолютно неправ из-за евроцентризма или духа Просвещения, а именно, что его работа страдает от тех же недостатков, что и буржуазная теория. Большинство тех, кто придерживается этого взгляда не поняли вопрос коммуны в работе Маркса и свели его работу к простому историческому материализму.

Работе Маркса не хватает детального анализа того, как в примитивных коммунах появилась «экономика», спровоцировавшая их распад.

Следует добавить, что разговоры о капиталистическом обществе становятся всё более обманчивыми. Мы ещё вернёмся к этому.

обращается с природой уже не как с объектом для своего развития, как с полезной вещью, но как с субъектом (не в философском смысле) неотделимого от него, хотя бы, потому что природа находится в нём. Натурализация человека и гуманизация природы (Маркс) реализуется; диалектики субъекта и объекта больше нет.

За этим следует уничтожение урбанизации и формирование множества коммун, распространяющихся по всей Земле. Это подразумевает упразднение монокультуры, ещё одной формы разделения труда, и полное преобразование транспортной системы: транспортировка сильно уменьшится. Только коммунальный (коммунитарный) образ жизни может позволить человеку управлять своим воспроизводством, ограничить (безумный сегодня) рост населения, не обращаясь к достойным презрения методам (вроде уничтожения мужчин и женщин).

Господство одной группы над другой, классовое общество, берёт истоки в седентаризации человека. Мы всё ещё живём с мифами, порождёнными во времена этого оседания в том или ином уголке нашей матери Земли: с мифами Родины, чужестранца; с мифами, ограничивающими видение мира, калечащими нас. Очевидно, что реакцией не может быть возвращение к кочевничеству того типа, который практиковали наши предки, собиратели. Мужчины и женщины приобретут новый образ бытия по ту сторону кочевничества и оседлости. Оседлая жизнь вкупе с отсутствием телесной активности стали главной причиной почти всех соматических и психологических заболеваний современного человека. Активная и непривязанная к одному месту жизнь излечит эти проблемы без медицины или психиатрии.

Переход к коммунизму подразумевает преобразование техники. Технология не нейтральна; её определяет способ производства. На Западе, более чем где-либо, различные способы производства в возрастающей мере отделяли человека от технологии, которая изначально была лишь человеческой модальностью. Призыв к удобной технологии — это призыв к технологии, которая станет опять же продолжением человека, а не автономной вещью на службе у угнетателя.²³

---

²³ В примитивных общинах человек правит технологией. Технология начала становиться автономной в древнем западном обществе, и древние боялись этого. Технология принуждает человека копировать природу, даже если позже он сможет найти процедуру, которой нет в природе; так, он подчиняется обязательной процедуре, умениям, чему-то вроде естественного порядка. Кажется, что он теряет способность свободно создавать. (На эту тему, см. комментарии Ж.П. Вернана в Мифе и мысли у греков (*Mythe et pensee chez les grecs*, Ed. Maspero). Когда человек уже не боится технологии, он в то же время приходит в согласие с искусством, которое было дискредитировано в конце эры рабовладельческого общества. Это произошло во время Возрождения, когда философы определяли человека как существо производящее себя (См. Кассирер, Индивид и космос в философии Ренессанса). Но развитие технологии не ведёт человека к природе; напротив, оно привело к экспроприации человека и разрушению природы. Человек всё больше утрачивает созидательные качества. В этом смысле, страх древних был обоснованным.

Людей при коммунизме нельзя определять как просто пользователей; это был бы коммунизм в виде земного рая, в котором люди бы владели всем, что есть с такой непосредственностью, что человек не отличался бы от природы (человек, как сказал Гегель в данном контексте, был бы животным). Люди являются создателями, производителями, пользователями. Весь процесс реконструируется на более высоком уровне и для каждого индивида. В отношениях между индивидами, другой больше не рассматривается с точки зрения пользы; поведение в терминах пользы прекращается. Мужской и женский пол достигают примирения, сохраняя свои различия; они утрачивают различия и жёсткие противостояния, ставшие плодом тысячелетий их антагонизма.

Эти несколько характеристик должны адекватно прояснять, как можно представить себе движение восхождения к общечеловеческой коммуне.

Мы все рабы капитала. Освобождение начинается с отказа воспринимать себя в рамках категорий капитала, а именно, как пролетария, члена нового среднего класса, капиталиста и т.д. Так, мы перестаём воспринимать также другого — в его движении к освобождению — в рамках тех же категорий. На данной точке может начаться движение к признанию человека. Ясно, что это может быть только началом движения освобождения, и ему постоянно будет грозить провал. Отказ принимать это во внимание отрицает власть капитала. Воспринимать следует его динамику. Мы рабы; наша цель не в том, чтобы стать повелителями, хотя бы и без рабов, но в том, чтобы упразднить диалектику повелителей и рабов. Эта цель не может быть реализована организацией отдельных общин, которые, будучи всегда изолированными, никогда не становятся препятствием для капитала, легко могут быть взяты в окружение капиталом и являются не более чем извращением по отношению к его нормам (извращением, которое выказывает что такое норма). Цель не может быть достигнута также через культивацию индивидуальной жизни, в котором отдельный человек наконец-то обрёл бы реальное человеческое бытие. В реальности оба эти подхода должны быть связаны. Восприятие самого себя как человека, которому не мешают никакие атрибуты, уже снимает с тебя ошейник, надетый классовым обществом. Желание общности абсолютно необходимо. Утверждение индивидуальности (особенно в её временном аспекте) является отрицанием прирученности. Но его недостаточно даже для того, чтобы

От философов Возрождения, через Декарта и Гегеля, до Маркса, человек определяется по отношению к технологии (человек — создатель орудий: Франклин) и к производству. Для того, чтобы выйти по ту сторону Маркса, необходимо пересмотреть «человеческий феномен» от распада примитивных сообществ до сегодняшнего дня и переосмыслить работы философов и экономистов от Аристотеля до Маркса для того, чтобы лучше понять, как человек воспринимает сам себя в период господства стоимости, а затем и капитала, а также для того, чтобы понять как, теперь, когда мы подошли к концу феномена стоимости, мы можем воспринимать человечество, а значит и коммунизм.

стать первым элементом бунта; человек является индивидом и *Gemeinwesen* (бытием вместе, прим. пер.). Сведение человека к нынешнему невыразительному состоянию смогло произойти только из-за упразднения *Gemeinwesen*, возможность каждого индивида вобрать в себя универсальное, объять всё целое человеческих отношений в целостности времён. Различные религии, философии и теории просто заменяли собой этот важнейший компонент человеческого бытия. Поскольку коммунизм является смертью одинаковости, повторения, люди проявятся во всём своём своеобразии; *Gemeinwesen* будет утверждаться каждым. Это подразумевает, что с данных пор мы отвергаем деспотизм религии, философии, теории.

Отказ пребывать в ловушке теории — это не отрицание всякого теоретического размышления. Как раз наоборот. Но это отрицание постулирует, что теоретической деятельности недостаточно. Теория может призывать к примирению чувств и рассудка, но она остаётся в границах этого разделения. Утверждать следует целостность жизни, всех её проявлений, всего единого бытия. Может быть, всё ещё необходимо пользоваться прозрениями Маркса, например, но становится всё большей глупостью считать себя марксистом. Более того, как и репрессивное сознание, теория может стать простым алиби для бездействия. Сначала, отказ от действия может быть абсолютно оправдан. Тем не менее, оторванность от реальности часто ведёт к неспособности воспринять новые феномены, формирующие её. На этой точке теория, вместо того, чтобы помогать устанавливать контакт с реальностью, становится агентом отчуждения, отдаления и, в конце концов, превращается в уход от мира, самоизгнание. Ожидание особенно трудно для тех, кто не хочет признать, что другие могут прийти к теории без нас, нашей группы, или нашей партии в качестве посредников. Теория, как и сознание, требует объективации до такой степени, что даже индивид, отрицающий политический рэкет может поднять теорию до статуса рэкета. В революционном субъекте, теория является деспотизмом: все должны признать это.

После доминирования ума над телом в течение более чем двух тысячелетий, ясно, что теория всё ещё является проявлением этого доминирования.

Определяющей становится целостность жизни. Разнообразные проявления прошлого — искусство, наука — являются фрагментами. Это элементы обширной обворованности человека, а также попытки излечить его. Но смысл уже не в том, чтобы реализовать искусство или науку; капитал уже сделал это своими методами; смысл в том, чтобы завоевать и создать иной мир: мир, в котором весь биологический потенциал вида мог бы, наконец, получить развитие. В этом широком движении, было бы тщетным выдавать себя за хранителя истины. Во первых, истина, как и стоимость, нуждается в измерении, стандарте, общем эквиваленте, норме, а значит в государстве. Во вторых, истина — это всегда лишь одна истина. Историческая инфляция этой концепции происходит параллельно со всё более тщательным уничтожением человека. Нельзя

предполагать ничего меньшего, чем иная жизнь, при которой жесты, слова, представления и чувства человека больше не были бы скованными, при которой чувства и разум соединились бы — только этот союз может уничтожить всю одержимость безумия. Ясно, что всё это может быть завоёвано только посредством уничтожения капиталистического способа производства. Человечество всех времён враждебно капиталу. Человек должен будет пройти через глубокую революционизацию для того, чтобы быть способным противостоять капиталу; действия этого движения должны сопровождаться производством революционеров.

Появление революции во всех сферах нашей жизни приводит некоторых к приданию излишнего значения местам, где они впервые почувствовали это появление.

Революция появляется не из той или иной части нашего бытия — из тела, пространства или времени. Наша революция, как проект восстановления коммуны была необходима ещё с того момента, когда были уничтожены древние общины. Сведение коммунистической революции к восстанию, которое должно разрешить противоречия капиталистического способа производства нанесло немалый вред. Революция должна разрешить все старые противоречия, созданные классовыми обществами, поглощёнными капиталом, все противоречия между относительно примитивными общинами и движением меновой стоимости в данный момент поглощаются движением капитала (в Азии и особенно в Африке). Кроме того, революционное движение — это революция в природе, доступ к мысли и овладение бытием с возможностью использования предлобных центров мозга, связанных, как считается, с воображением. Революция обладает биологическим, а следовательно космическим измерением, если считать космическое ограниченным (нашей солнечной системой); космической также в значении древней философии и мистики. Это означает, что революция — это не просто объект страсти нашей эпохи, но также миллионов людей, от наших древних предков, бунтовавших против движения меновой стоимости, которую они рассматривали как фатализм, через Маркса и Бордигу, которые, в своём измерении пророков, были свидетелями неутолимой страсти к созданию новой общности, человеческой общности. Желать как-то позиционировать революцию — это всё равно, что желать зарегистрировать её вершину. Сен-Жюст сказал, что революция не может остановиться до тех пор пока счастье не будет реализовано, показывая этим ложность стремления судить людей чисто в терминах историко-материальных фактов данной эпохи. Человек никогда не является чистым здесь-бытием. Он может быть, только преодолевая, и он не может быть только тем, что должно быть преодолено (Ницше). Человек является преодолением, потому что структурно и биологически он является существом преодолевающим. Иными словами, человек является исследователем возможного и не удовлетворяется немедленно реализуемым, особенно если оно ему навязано. Он утрачивает эту страсть, эту

жажду к созиданию, поскольку, что такое возможное, если не изобретение? — когда его деградируют, отчуждают, отрезают от его *Gemeinwesen*, а значит калечат, превращают просто в индивида. Только с реальным господством капиталистического способа производства человек опустошается полностью.

Все революции вида являются революциями, которые пытаются выйти за рамки настоящего момента, по ту сторону всего, что дозволено развитием производительных сил (Бордига). Этот выход за пределы возможного является связью человеческих поколений, точно так же как перспектива коммунизма, рассматриваемого как уничтожение классов, обмена и стоимости является связью между различными революционерами; вот что, вслед за Марксом, мы называем исторической партией.²⁴

Борьба против урезывания этой амплитуды революции уже является революционной борьбой. Читателя не должно удивлять, если для поддержки этой амплитуды мы обращаемся к авторам, на которых классически навешивается ярлык религиозных, мистических писателей и т.д. Важна новая экспроприация *Gemeinwesen* (а прошлые жизни являются частью его), которую можно произвести только после объединения вида, а это объединение можно рассматривать только как стремление, желание, страсть и волю к общности, выраженную в веках. Человек может одновременно быть *Gemeinwesen* только если человечество живёт в общности. Как только проявляется фрагментация, появляется потребность в воссоздании единства. На Западе это единство обладало переходной и принудительной формой: индивида определяло государство; знание было средством для иерархизации и оправдания установленного порядка; появился порочный круг практики-теории.

Коммунистическая революция — это совершенная революция. Биологическая, сексуальная, социальная, экономическая революции — лишь частичные атрибуты; преобладание одного из них калечит революцию, которая может сбыться только будучи всем.

Коммунистическую революцию можно понять, только если рассматривать её через историю и палеонтологию человека, а также других существ. Осознав это, мы поймём, что, если эта революция давно уже была необходимой, её можно реализовать. Раньше она была возможной, но не неизбежной. Всё ещё существовали иные «человеческие» пути, позволявшие человеческое развитие; в особенности, она делали возможным воплощение человеческих сил. Теперь почти всё уже было воплощено и разграблено, что оставляет лишь один путь кроме коммунистической революции: полное отрицание человека. Поэтому мы должны понять наш мир; мы должны понять деспотизм капитала и движение бунта против него. Этот акт понимания, происходящий не только на интеллектуальном, но и на чувственном уровне (бунт в огромной мере является бунтом тела) может быть только через отрицание блужданий

---

²⁴ «Происхождение и функция партийной формы» (1961), опубликовано в *Invariance*, № 1, Серия 1.

человечества и репрессивного сознания.

II. Упадок капиталистического способа производства или упадок человечества?

Часто думали и писали, что коммунизм будет процветать после уничтожения капиталистического способа производства, который будет подорван такими противоречиями, что его конец будет неизбежным. Но, благодаря многочисленным событиям этого века, в нашем поле зрения, к несчастью, появились и другие возможности: возвращение к «варварству», которое анализировала Р. Люксембург и всё левое крыло немецкого рабочего движения, Адорно и франкфуртская школа; уничтожение человеческого вида, очевидное для всех сегодня; наконец, состояние застоя, при котором капиталистический способ производства выживает, адаптируясь к деградированному человечеству, у которого не хватает сил для того, чтобы уничтожить его. Для того, чтобы понять провал будущего, считавшегося неизбежным, мы должны принять во внимание приручение человека классовыми обществами, но в основном, капиталом, и мы должны подвергнуть анализу автономизацию капитала.

Мы не собираемся полностью исследовать эти исторические отклонения здесь, на нескольких страницах. Комментируя фрагмент в Основных чертах мы можем показать, что понять автономизацию капитала можно на основе работы Маркса, и мы можем также объяснить противоречия в мысли Маркса и его неспособность решить проблему. Фрагмент взят из главы об обращении. Для того чтобы понять его, мы должны помнить, что Маркс сказал незадолго до его написания:

*«Таким образом, время обращения представляется как препятствие для производительности труда = увеличение необходимого рабочего времени = снижение прибавочного рабочего времени = снижение прибавочной стоимости = барьер, препятствие для процесса самореализации [Selbstverwertungsprozess] капитала».*¹

Здесь Маркс делает крайне важное отступление:

«Здесь проявляется универсализирующая тенденция капитала, отличающая его от предыдущих стадий производства, становясь предпосылкой нового способа производства, основанного не на развитии производительных сил ради воспроизводства или наибольшего распространения данного условия, но там, где свободное, беспрепятственное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само является предпосылкой общества и,

---

¹ Маркс, Основные черты критики политической экономики, стр. 539.

*отсюда, его воспроизводства; где выход за рамки отправной точки является единственной предпосылкой».*²

Здесь не говорится о том, что превращает капитал в барьер, в то время как акцентируется его революционный, позитивный аспект (этот аспект акцентируется на многих других страницах «Экономических рукописей» и «Капитала»): тенденция к универсальному развитию производительных сил. Однако, что для нас существеннее, капитал не может реализовать это; это является задачей иного, высшего способа производства. Будущее общества принимает форму неопределённого, кумулятивного движения.

*«Эта тенденция, — которой обладает капитал, но, которая в то же время, поскольку капитал является ограниченной формой производства, противоречит ему и, следовательно, ведёт к его разложению — отличает капитал от всех предыдущих способов производства и в то же время содержит этот элемент, капитал фигурирует в качестве чисто переходного пункта».*³

Отсюда капитал идёт к разложению через это противоречие. Жаль, что Маркс не упомянул здесь, что именно он понимает под «ограниченной формой производства», поскольку это не позволяет нам ясно «увидеть», что он имеет в виду под противоречием в данном, конкретном случае. Это влияет на понимание заявления о том, что капиталистический способ производства является переходной формой производства. Даже без объяснения этого противоречия, мы можем понять его следующим образом: капиталистический способ производства не вечен — полемический аргумент Маркса против буржуазных идеологий. Таково содержание его основных утверждений. Но ещё один аргумент содержится в предыдущем: капиталистический способ производства является революционным и позволяет переход к ещё одной, высшей социальной форме, при которой над человеком больше не будет господствовать сфера необходимости (сфера производства материальной жизни), и отчуждение прекратится.

Сегодня, после апогея марксизма, как теории процветания, ещё одна часть этого предложения представляется основополагающей: между двумя периодами есть непрерывная связь. Что такое переход если не противоположность разрыва? Эта связь заключается в развитии производительных сил. Отсюда следует позорная, но реальная взаимосвязь: Маркс-Ленин-Сталин! Но это не наша тема. Наша цель определить, из чего состоят производительные силы и для кого они существуют, согласно Марксу в «Экономических рукописях».

*«Все предыдущие формы общества, или, что то же самое, формы социального производства, спотыкались на развитии богатства».*⁴

² Там же, стр. 540.

³ Там же.

Богатство обретается в производительных силах и результатах их действия. Здесь заключается противоречие, которое, согласно Марксу, характеризует тотальность человеческой истории: богатство необходимо и поэтому его ищут, но оно уничтожает общество. Поэтому общество должно противостоять его развитию. Не таков случай капиталистического способа производства (он уничтожает все остальные социальные формации), который повышает производительные силы, но для кого?

*«Те мыслители древности, которые обладали сознательностью, поэтому обличали богатство, как разрушение их общности [Gemeinwesen]. Феодалная система, со своей стороны, споткнулась о городскую промышленность, торговлю, современное сельское хозяйство (даже о случаи индивидуальных открытий вроде пороха или печатного станка). С развитием богатства, — а, следовательно, и новых сил и расширенного взаимодействия между индивидами — экономические условия на которых основывалась общность [Gemeinwesen] разложились, вместе с политическими отношениями между различными составными частями общности, соответствовавшими тем условиям: религией, в которой её видели в идеализированной форме (а [религия и политические отношения] в свою очередь основывались на данном отношении к природе, в котором разрешаются все производительные силы); характером, внешним видом и т.д. индивидов. Развития одной науки — т.е. самой твёрдой формы богатства, его продукта и производителя — было достаточно для того, чтобы разрушить ту общность. Но развитие науки, этот идеал и, в то же время, практическое богатство, является лишь одним аспектом, одной формой, в которой появляется развитие человеческих производительных сил, т.е. богатства. С идеальной точки зрения, разложения данной формы сознания было достаточно для того, чтобы убить целую эпоху. В реальности, этот барьер сознания соответствует определённой степени развития сил материального производства, а значит богатства. Правда, что происходило не только развитие старой основы, но также и развитие самой этой основы».*⁵

Для Маркса производительные силы являются человеческими (исходящими от человека) и предназначаются для человека, для индивида. Наука как производительная сила (а значит и богатство, как это уже указано в Рукописях 1844 и в Немецкой идеологии) определяется развитием этих сил и соответствует появлению огромного числа внешних проявлений, большей возможности господства над природой. Даже принимая двойственную форму, процветание человека возможно; это тот момент, когда в развитии господствующего класса люди могут видеть модель для более полной жизни. Для Маркса, капиталисти-

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 540-541.

ческий способ производства, подталкивая развитие производительных сил, позволяет освобождающую автономизацию индивида. Это его самый важный революционный аспект.

*«Наивысшее развитие самой этой основы (цветок, в который она распускается; но всегда эта основа, это растение, как цветок; отсюда увядание после цветения и как следствие цветения) является той точкой, на которой она сама разрабатывается, развивается, в форму, в которой она сравнима с наивысшим развитием производительных сил, отсюда наиболее богатое развитие индивидов. Как только достигнута эта точка, дальнейшее развитие представляется как упадок, а новое развитие начинается на новой основе».*⁶

Упадок происходит оттого, что блокируется развитие индивидов. Это предположение нельзя использовать в поддержку теории об упадке капиталистического способа производства⁷, поскольку следовало бы констатировать, что этот упадок уже начался, не в начале этого века, а по крайней мере в середине прошлого; иначе следовало бы показать, что упадок индивидов в то же время является упадком капитала, что противоречит возможным наблюдениям; Маркс сам постоянно объяснял, что за развитием капитала следовало уничтожение человека и природы.

Когда развитие производительных сил сопровождало развитие индивидов в различных обществах? Когда капиталистический способ производства был революционным сам для себя и для индивидов? Происходит ли постоянное движение производительных сил вперёд, несмотря на моменты упадка индивидов? Маркс говорит: «... дальнейшее развитие представляется как упадок...» Находятся ли теперь производительные силы в застое; приходит ли капиталистический способ производства в упадок?⁸

Остальная часть отступления Маркса подтверждает, что слова об упадке относятся к человеку. Индивиды процветают, когда производительные силы позволяют им развиваться, когда эволюция одного происходит параллельно эволюции другого. Посредством сравнения с докапиталистическим периодом, Маркс показывает, что капитал не враждебен богатству, напротив, поднимает его производство. Так, он повышает развитие производительных сил. Сначала развитие человека, его общности, противостояло развитию богатства; теперь между ними осуществляется симбиоз. Для того чтобы это произошло,

⁶ Там же, стр. 541.

⁷ Как это делает Виктор в *Revolution Internationale* № 7, 1 серия, стр. 4 статьи «Volontarisme et confusion.»

⁸ Различные авторы говорили о застое и упадке производства между двумя мировыми войнами. Бордига всегда отрицал теорию упадка капиталистического способа производства как постепенческую деформацию теории Маркса (см. «Le renversement de la praxis dans la theorie marxiste,» *Invariance* № 4, 1 серия).

была необходима определённая мутация: капиталу надо было уничтожить ограниченный характер индивида; это ещё один аспект его революционного характера.

«Ранее мы видели, что собственность в условиях производства считалась тождественной с ограниченной, определённой формой общности [Gemeinwesen], отсюда индивиду с его характеристиками — ограниченными характеристиками и ограниченным развитием производительных сил — требовалась подобная общность [Gemeinwesen]. Эта предпосылка сама в свою очередь явилась итогом ограниченной исторической стадии развития производительных сил, богатства, а также способа его создания. Цель общности [Gemeinwesen], индивида — а также условие для производства — является воспроизводство этих специфических условий производства и индивидов, как по отдельности, так и в их социальных группах и отношениях — как живых носителей этих условий. Капитал ставит в основу производство богатства и отсюда универсальное развитие производительных сил, постоянный переворот преобладающих предпосылок, как предпосылку для его производства. Стоимость не исключает потребительную стоимость; т.е. не подразумевает особый способ потребления и т.д., взаимодействия и т.д. как абсолютное условие; и точно так же любая степень развития социальных сил производства, взаимодействия, знания и т.д. представляется только как барьер, который она стремится преодолеть».⁹

У этого отрывка знаменательные последствия. Здесь нет ссылок на пролетариат; в преобладающих условиях должна произвести переворот революционная роль капитала. Маркс уже говорил это, в ещё более открытой манере:

«Он разрушителен по отношению ко всему этому и постоянно революционизирует его, сметая все барьеры, стоящие перед развитием производительных сил, экспансией потребностей, всесторонним развитием производства и эксплуатацией и обменом естественных и природных сил».¹⁰

Мы вынуждены принять новый подход к той манере, в которой Маркс располагает пролетарский класс в контексте постоянного переворота, осуществляемого капиталистическим способом производства. Что непосредственно очевидно — это революционность капиталистического способа производства по отношению к уничтожению прежних социальных отношений и революционность пролетариата по отношению к капиталу. Но именно на этой точке начинается проблема: капитализм является революционным, потому что развивает производительные силы; пролетариат не может быть революционным,

⁹ Маркс, Основные черты критики политической экономики, стр. 541.

¹⁰ Там же, стр. 410.

если, после революции, он развивается или делает возможным иное развитие производительных сил. Как мы можем ощутимо отличить революционную роль одного от другого? Как мы можем оправдать уничтожение капиталистического способа производства пролетариатом? Этого нельзя сделать в узко экономическом контексте. Маркс никогда не обращался к этой проблеме, потому что он был абсолютно уверен, что пролетариат восстанет против капитала. Но нам следует обратиться к этой проблеме, если мы хотим выйти из тупика, созданного нашим приятием теории, согласно которой производственные отношения вступают в конфликт с развитием производительных сил (силы, существующие по определению для человека, поскольку, если бы это было не так, зачем человеку бунтовать?) Если производительные силы существуют не для человека, а для капитала и если они конфликтуют с производственными отношениями, это значит, что эти отношения не предоставляют надлежащей структуры для капиталистического способа производства, а, следовательно, не может быть революции, которая совершалась бы не для человека (например, общий феномен, который называют фашизмом). Следовательно, капитал ускользает. В отрывке, который мы рассматриваем, Маркс делает замечательное утверждение о господстве капитала:

*«Его собственная предпосылка — стоимость — это продукт, а не иная, высшая предпосылка, парящая над производством».*¹¹

Капитал доминирует над стоимостью. Поскольку труд является субстанцией стоимости, из этого следует, что капитал господствует над людьми. Маркс делает лишь косвенную ссылку на условие, которое также является продуктом: наёмный труд, а именно существование рабочей силы, делающее возможным процесс валоризации:

*«Барьер перед капиталом заключается в противоречивости процесса этого развития и в том, что развитие производительных сил, общего богатства и т.д., знания и т.д., проявляется в том, что работающий индивид самоотчуждается [sich entaussert]; что связано с тем, что условия, произведённые его трудом, являются не его собственными, а чуждым ему богатством и его собственной нищетой».*¹²

Как это может быть ограничением для капитала? Можно предположить, что недопотребление рабочих вызывает кризисы и окончательный кризис. Это одна из возможностей; по крайней мере так она иногда проявляется. Маркс всегда отказывался основывать теорию кризисов на этой точке, но это не мешало ему упоминать о недопотреблении. Для Маркса перед капиталом стоит

¹¹ Там же, стр. 541.

¹² Там же

барьер, потому что он грабит работающего индивида. Нам следует помнить, что он спорит против апологетов капитала и хочет показать, что капиталистический способ производства не является вечным и не ведёт к человеческому освобождению. И всё же в ходе его анализа он указывает на возможность, что капитал ускользнёт от человеческих условий. Мы видим, что автономными становятся не производственные силы, а капитал, поскольку в данный момент производительные силы становятся «барьером, который он стремится преодолеть». Это происходит следующим образом: производительные силы не являются производительными силами уже не человека, а капитала; они существуют для капитала.¹³

Разграбление (отчуждение) работающего индивида не может быть барьером для капитала, пока Маркс имеет в виду барьер в смысле слабости; из-за подобной слабости капитализм стал бы низшей формой по отношению к другим способам производства, в частности, если мы противопоставим эту слабость невероятному развитию производительных сил, которое он влечёт за собой. В работе Маркса присутствует двусмысленность по отношению к субъекту производительных сил: предназначены ли они для человека или для капитала? В этой двусмысленности заключается основа двух толкований Маркса. Этическое толкование (см. особенно у Рюбеля) подчёркивает размах, с которым Маркс обличает разрушение человека капиталом и энергично настаивает на том, что капиталистический способ производства является лишь переходной стадией. Толкование Альтюссера и его школы утверждает, что Марксу не удалось избавиться от человека в своём экономическом анализе, что отражает его неспособность оставить идеологический дискурс, откуда следует проблема Альтюссера в правильном определении эпистемологического разрыва.

От этой двусмысленности можно избавиться. Если капиталу удастся преодолеть этот барьер, он достигнет полной автономии. Вот почему Маркс постулирует, что капитал должен самоупраздниться; это упразднение является следствием того факта, что он не может развивать производительные силы для человека, в то время как он позволяет универсальное, разнообразное развитие, которое может быть реализовано только высшим способом производства. Здесь заключается противоречие: капитал уходит из человеческого поля досягаемости, но он должен погибнуть, потому что не может развивать человеческие производительные силы. Это также противоречит Марксову анализу разрушения человека капиталом. Как может бунтовать разрушенный человек? Можно рассматривать Маркса, как пророка упадка капитала, если игнорировать эти противоречия, но тогда мы не сможем понять ни его работу, ни нынешнюю ситуацию. Конец отрывка из Маркса проясняет эти противоречия.

---

¹³ Маркс показывает это, когда анализирует постоянный капитал в Основных черт, а также в I томе Капитала «где он анализирует преобразование трудового процесса в процесс производства капитала (см. также *Un chapitre inedit du Capital*, Paris: Ed. 10/18, 1971 г.).

*«Но эта антитезисная форма сама является плавающей и производит реальные условия для своего преодоления. Результат следующий: тенденциально и потенциально общее развитие производительных сил — богатства как такового — в качестве основы; схожим образом, универсальность взаимодействия, отсюда рынок как основа. Основа как возможность универсального развития индивида и реального развития индивидов на этой основе, как постоянное преодоление этого барьера, признанного в качестве барьера, но не принятого за священный предел. Не идеальная или воображаемая универсальность индивида, но универсальность его реальных и идеальных отношений. Отсюда понимание собственной истории как процесса и признание природы (равно присутствующее как практическая власть над природой) как своего реального тела. Процесс самого развития известный как предпосылка самого себя. Поэтому, однако, необходимо в первую очередь, чтобы полное развитие производительных сил стало условием производства; а не чтобы специфические условия производства рассматривались как предел для развития производительных сил».*¹⁴

Если это процесс касается индивидов, капитал должен быть уничтожен, а производительные силы должны предназначаться для человека. В статье «La KAPD et le mouvement prolétarien»¹⁵ мы упоминали этот отрывок, чтобы показать, что человек является возможностью, что стало основанием для следующего утверждения: революция должна быть человеческой. Это ни в коем случае не означает, что человека следует понимать как инвариант в каждом атрибуте, что стало бы лишь повторением утверждения о неизменности человеческой природы. Но этого недостаточно, поскольку развитие производительных сил, которое, по Марксу, будет происходить при высшем способе производства, является всё тем же развитием, которое осуществляется в настоящее время капиталом. Ограниченность Маркса заключается в том, что он рассматривал коммунизм как новый способ производства, при котором процветают производительные силы. Эти силы, несомненно, важны, но их существование на определённом уровне не является адекватным определением коммунизма.

Для Маркса, капитал преодолевает свои противоречия, поглощая их и мистифицируя реальность. Он может лишь внешне преодолеть свою узкую основу, свою ограниченную природу, заключающуюся в обмене денежного капитала на рабочую силу. Капитал неизбежно вступает в конфликт с этой предпосылкой; таким образом, Маркс говорит о противостоянии между частным овладением и обобществлением производства. Частное овладение чем? Прибавочной стоимостью, предполагающей пролетариат, а, следовательно, наёмный труд. Но благодаря всему развитию капитала (и собственные объяснения Маркса

¹⁴ Маркс, Основные черты критики политической экономики, стр. 541-542.

¹⁵ Invariance, II серия, № 1.

являются драгоценной помощью для его понимания) мистификация вступает в силу, капитал становится независимым от человека, что позволяет ему избежать конфликта с собственной предпосылкой. Можно сказать, что конфликт, тем не менее, остаётся, как результат общего процесса: обобществления. Это правда. Но обобществление производства и человеческой деятельности, универсальное развитие производительных сил, за которым следует уничтожение ограниченного характера человека — всё это является лишь возможной основой для коммунизма; оно не устанавливает коммунизм автоматически. Более того, действие капитала постоянно стремится уничтожить коммунизм, или, по крайней мере, помешать его возникновению и реализации. Для того чтобы преобразовать эту возможную основу в реальность, необходимо человеческое вмешательство. Но сам Маркс показывает, что капиталистическое производство интегрирует пролетариат. Как может разрушение человека и природы повлиять на способность человека сопротивляться капиталу и, а fortiori, бунтовать?

Кто-то подумает, что мы наделяем Маркса удобной для нас позицией. Мы процитируем экстраординарный пассаж из него:

*«Вот что конкретно отличает капитал от отношений между хозяином и рабом — рабочий противостоит [капиталу] как потребитель и обладатель меновой стоимости, в форме обладателя денег, в форме денег он становится простым центром обращения — одним из бесконечного множества центров, в котором выражена его специфическая роль рабочего».*¹⁶

Одним из способов поглощения революционной власти пролетариата является усовершенствование его потребительского характера, из-за которого он увязает в сетях капитала. Пролетариат перестаёт быть отрицающим классом; с формированием рабочего класса он растворяется в социальном теле. Маркс предвосхищает поэтов «общества потребления» и, как и в других местах, объясняет феномен, который замечают лишь позже в ложной манере, отражённой хотя бы в его названии.

Эти размышления не приводят к фаталистической концепции (на этот раз негативной), вроде следующей: что бы мы не делали, выхода нет; слишком поздно; или к любому другому бессмысленному поражению, порождающему тошнотворный латающий реформизм. Сначала нам надо извлечь урок. Капитал преодолел человеческие и природные барьеры; человек был приручен: настал его упадок. Революционное решение нельзя найти в контексте диалектики производительных сил, в котором индивид был бы противоречием. Нынешний научный анализ капитала провозглашает полное игнорирование человека, который, для некоторых, является лишь остаточным явлением без содержания. Это означает, что дискурс науки является дискурсом капитала,

¹⁶ Маркс, Основные черты критики политической экономики, стр. 420-421.

или что наука возможна лишь после уничтожения человека; это дискурс о патологии человека. Было бы безумием основывать надежду на освобождение на науке. Эта позиция является тем более безумной, как у Альтюссера, она не может совершить собственный прорыв, ликвидировать свою «археологию», поскольку остаётся верной пролетариату — пролетариату, который в этой концепции является лишь объектом капитала, элементом структуры. Но этот недостаточный, разрушенный человек является индивидом, порождённым классовыми обществами. И в этом мы согласны: человек мёртв. Единственной возможностью для появления человека является наша борьба против приручения, наше рождение из него. Гуманизм и сциентизм (и последователи «этической науки» а ля Моно — абсолютные рабы капитала) являются выражением приручения человечества. Все те, кто питает иллюзии об упадке капитала, возрождают древние гуманистические концепции или дают рождение новым научным мифам. Они остаются невосприимчивыми к революционному феномену, присутствующему в нашем мире.

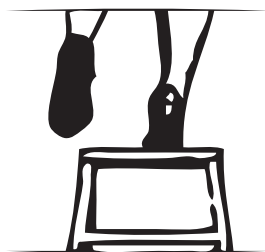
До сих пор все стороны спорили так, словно человек оставался неизменным в различных классовых обществах и под господством капитала. Вот почему материалистические философы 18 века подчёркивали роль социального контекста (человек, который был фундаментально хорошим, рассматривался как позитивно или негативно формируемый социальным контекстом), в то время как марксисты подчёркивали роль окружающей среды, сформированной развитием производительных сил. Перемены не отрицались, и вслед за Марксом повторялось, что история была полным преобразованием человеческой природы. Тем не менее, явно или подотчётно считалось, что минимальный элемент продолжал позволять человеку бунтовать против угнетения капитала. Сам капитализм описывали в манихейской манере: с одной стороны позитивный полюс, пролетариат, освободительный класс; с другой негативный полюс, капитал. Капитал считался необходимым, потому что революционизировал жизнь человека, но его описывали как абсолютное зло по отношению к добру, к пролетариату. Появляющийся сегодня феномен ни в малейшей мере не уничтожает негативную оценку капитала, но вынуждает нас распространить её на класс, который некогда противостоял ему, и нёс в себе все позитивные элементы человеческого развития и сам сегодняшней день человечества. Этим феноменом является новое формирование общности и человека капиталом, отражающим человеческую общность подобно зеркалу. Теория зеркала могла возникнуть только тогда, когда человек стал тавтологией, отражением капитала. Между миром деспотии капитала (каким сегодня представляется общество), уже нельзя отличить добро от зла. Всё подлежит осуждению. Отрицающие силы могут возникнуть только извне капитала. Поскольку капитал поглотил все старые противоречия, революционное движение должно отвергать продукт развития классовых обществ полностью. Такова суть борьбы против приручения, против упадка человеческого вида. Таков основной момент формирования

революционеров, абсолютно необходимый для производства революции.
Жак Каматт, май, 1973

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жак Каматт
Странствия человечества
1973

Перевод Э.Т.
Сохранено 9 декабря 2011г. из **revsoc.org**